

ВОСТОК
НАМ НЕ ПОМОЖЕТ

Эксперты – о путях модернизации России 04–05

НА ГУСЕНИЦАХ
ИЛИ НА КОЛЕСАХ?

Какая бронированная машина
нужна современной пехоте 06

СБИТЬ
ВО ЧТО БЫ ТО
НИ СТАЛО!

Неизвестные подробности уничтожения
американского самолета-шпиона над Уралом 11

ТЕМА

СОГЛАШЕНИЯ ПОДПИСАНЫ, ПРОБЛЕМЫ ОСТАЛИСЬ

Резкое улучшение отношений между Россией и Украиной происходит не на словах, а на деле. Об этом свидетельствуют наряду с прочими событиями подписание главами двух государств и ратификация парламентами обеих стран харьковских договоренностей по Черноморскому флоту, а также состоявшийся недавно официальный визит в Киев президента России Дмитрия Медведева.

Окончание на стр. 03

ХАРЬКОВСКИЕ
ДОГОВОРЕННОСТИ
ПОКА
НЕ ОБЛЕГЧИЛИ
УСЛОВИЯ
ПРЕБЫВАНИЯ
ЧЕРНОМОРСКОГО
ФЛОТА
В КРЫМУ

Коллаж Андрей СЕДУХ

АЛЬТЕРНАТИВА

ВСЯ НЕСМЕТНАЯ ПОГОННАЯ РАТЬ...

Борис КРЕМЕР

Хорошо известно, что в России многие общепринятые во всем цивилизованном мире законодательные нормы не действуют (или вывернуты наизнанку). И это у нас считается вполне нормальным. В частности, во всех развитых странах (к коим себя причисляет и РФ) исключительным правом на получение воинских званий и ношение военной формы одежды обладает только личный состав армии, ВВС, ВМС и оно не распространяется на сотрудников других силовых (и тем более гражданских) структур.

В Российском же государстве мало того, что военная служба введена более чем в полутора десятках федеральных ведомств, так только на одной седьмой части суши можно встретить генерала-пожарного, генерала-правоохранителя или генерала-тюремщика. Причем «погонизация» в последнее время приобрела прямо-таки обвальный характер. Иметь свой собственный мундир, наделить персонал чинами, определяемыми по количеству и размеру звезд на плечах, считается ныне во многих госорганах чуть ли не правилом хорошего тона. Даже заседание коллегии прокуратуры РФ теперь неумудрено спутать с совещанием в Министерстве обороны. А в ФАПСИ, например, генералов сегодня, наверное, больше, чем в войсках 1-го Белорусского фронта накануне Берлинской операции в апреле 1945-го.

А ведь по большому счету нигде, за исключением Вооруженных Сил, подобная практика не должна иметь место. Однако попробуй только в современной России снять воинские звания, скажем, с работников МВД, ФСБ или СВР! Тут такое начнется... Чиновники в ряде российских ведомств никак не могут представить себе ситуацию, при которой в структурах, призванных бороться с преступностью, ликвидировать последствия техногенных катастроф и стихийных бедствий, стеречь осужденных, заниматься разведкой и контрразведкой, служат сугубо штатские лица. В частности, в американском Федеральном бюро расследований (а оно, напомним, не только ловит уголовников, но и охотится за шпионами) нет никаких генералов с лампасами. Для коллег же фбэбзовских начальников в РФ подобная картина хуже самого кошмарного сна.

Между тем нашему Минобороны, думается, давно следовало бы озаботиться тем, чтобы как-то выделить офицеров Вооруженных Сил из многотысячной отечественной погонной рати (в том числе и в форме, в этике, в поведении). Это очень и очень важно для военного человека.

Какие же меры можно для этого предпринять? При их поисках надо учесть, что Минобороны нынче – далеко не самое влиятельное в России ведомство, а для своего духовного возрождения оно должно как минимум обособиться от прочих так называемых силовых структур РФ, причем обособиться решительно и во всем. При этом между прочим не потребуются столь уж значительных финансовых вливаний.

Раз генеральские чины так полюбилися спасателям, гаишникам, прокурорам, охранникам и надзирателям, Вооруженные Силы России должны от них отказаться и перейти на какую-то другую систему высших воинских званий. Вполне возможно, восстановить звания комбрига, комдива, комкора, командарма (ведь неудобно будет милиционерам и пожарным становиться командармами, если они решат устремиться вдобавок к военным). Армии и флоту надо избавиться от знаков различия, которые могли бы напоминать, скажем, знаки различия сотрудников ГИБДД или пенитенциарных учреждений (чтобы имелась разница во внешнем облике начальника тюрьмы и командира полка). Для адмиралов ввести орлов вместо звезд на погонах (дабы флотоводцев не путали с прокурорами). А может, и вовсе взять в пример знаки различия, допустим, британских военных моряков.

Затем нужно пересмотреть систему воинских званий младших командиров. Тут, наверное, следует вернуть в Вооруженные Силы унтер-офицеров и фельдфебелей. Ибо никогда у нас не будет хорошего младшего командного состава, пока звание сержанта в народном сознании ассоциируется с милицейской формой цвета маренго, резиновой палкой и ударами по почкам.

Младшим офицерам можно присваивать звания подпоручика, поручика, штабс-капитана. Сложнее со старшим офицерским составом, но и в данном случае есть различные варианты.

Надо отказаться от камуфляжного обмундирования (и его фасона), чтобы военнослужащие Вооруженных Сил не ассоциировались у россиян с омовоцами и бойцами Внутренних войск. Впрочем, в современных войнах камуфляж не так уж и востребован (он необходим разве что спецподразделениям). Пора убрать из нашей армии и фуражки милицейского кроя, вернувшись к головным уборам фасона 1913 года.

Таким образом, ситуация должна быть сведена к следующему. Если российский налогоплательщик повстречается (тем или иным образом) с генералом, то он будет твердо уверен – это начальник или над огнеборцами, или над стражами порядка, или в самом крайнем случае – дирижер оркестра Внутренних войск. Если увидит погоны современного лейтенанта, то должен не сомневаться – это ГИБДД. Но никак не военнослужащий Вооруженных Сил Российской Федерации.

КТО ВИНОВАТ?

ГРУЗИЯ БЫЛА НЕПРАВА

Европейский парламент поддержал основные выводы доклада Международной независимой комиссии Евросоюза во главе с Хайди Тальявини по расследованию обстоятельств конфликта в Южной Осетии, согласно которому войну в этом регионе начала Грузия.

Об этом говорится в резолюции, принятой на пленарной сессии высшего законодательного органа ЕС в Страсбурге. В частности, в документе Европарламента сказано, что факты, которые нашли всестороннее отражение в докладе Тальявини, могут быть использованы частными лицами при подаче исков в Международный суд в Гааге в отношении нарушения Европейской конвенции по правам человека.

Парламентарии поддержали идею расширения мандата миссии наблюдателей ЕС на Кавказе. Они обратились к вовлеченным в конфликт сторонам с призывом «в полном объеме соблюдать условия соглашения о прекращении огня между Грузией и Россией от 12 августа 2008 года, а также обеспечить безопасность и свободный доступ в регион для сотрудников миссии».

Напомним, в начале мая Хайди Тальявини, выступая на слушаниях в Хельсинкской комиссии конгресса США, заявила, что «именно Грузия положила начало военным действиям в Южной Осетии, когда она атаковала Цхинвал с применением тяжелой артиллерии в ночь с 7 на 8 августа 2008 года... Не было никакого массированного вторжения российских военных (в Южную Осетию) до развязывания конфликта».

«Грузинская сторона передала нам документы, в которых утверждалось, что имело место массированное вторжение российских войск», – сообщила Тальявини. – Однако мы не считаем эти документы достаточным основанием для подобных выводов». Она выразила сожаление, что во время августовских событий не сработала «превентивная дипломатия».

ТЕНДЕНЦИИ

ИРАН, УРАН И РАКЕТЫ

СПОСОБНОСТЬ ТЕГЕРАНА ПРОИЗВОДИТЬ
ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ
К ВСЕМИРНОМУ ХАОСУ

Ядерная программа Исламской Республики Иран (ИРИ) на протяжении ряда лет является одним из запутаннейших узлов во взаимоотношениях между ведущими государствами планеты. Эта проблема по сути стала не только одним из главных объектов мировой политики, но и все больше превращается в ее самостоятельный субъект.

Владимир САЖИН,
профессор, старший научный
сотрудник Института
востоковедения РАН

Дело в том, что существует множество признаков, правда, пока косвенных, которые свидетельствуют о не совсем мирном характере иранской ядерной программы. И не случайно даже после того, как 17 мая ИРИ,

Турция и Бразилия подписали соглашение об обмене 1,2 тонны иранского низкообогащенного урана на ядерное топливо для исследовательского реактора в Тегеране, договорившись при этом, что международное сообщество сможет проводить инспекции ядерных объектов Исламской Республики, в Совет Безопасности ООН поступили новые предложения об ужесточении направленных против нее санкций.

Окончание на стр. 02

ВЕРТОЛЕТЫ ВОСТРЕБОВАНЫ ВО ВСЕМ МИРЕ

В ходе третьей международной выставки вертолетной индустрии «ХелиРаша-2010» ФГУП «Рособоронэкспорт» представило лучшие экспортные образцы винтокрылых машин.

В числе основных заказчиков такие страны, как Индия, Китай, Индонезия, Венесуэла, Бразилия, Колумбия, Мексика, Ливия, Судан, Египет, Эфиопия, Азербайджан. В структуре экспорта вертолетная техника составляет около 10 процентов от общего объема заказов. Сегодня ФГУП «Рособоронэкспорт» имеет высокие шансы на победу в ряде тендеров, из них наиболее крупные проводятся в интересах вооруженных сил Индии.

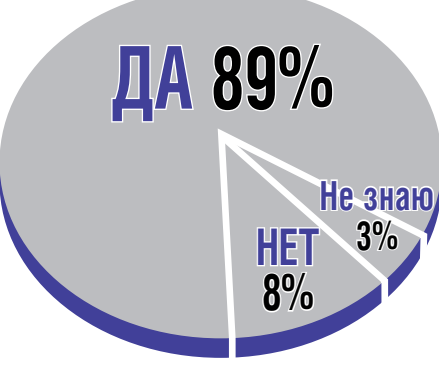
Рособоронэкспорт надеется также получить заказ на модернизацию 108 средних многоцелевых вертолетов типа Ми-17 и 11 противолодочных Ка-28.

На выставке «ХелиРаша-2010» стало известно, что в рамках государственной программы вооружений до 2020 года в интересах Министерства обороны России в несколько раз увеличатся поставки вертолетов. Впервые российские военные выдали заказ на ударный вертолет Ми-35М, разработанный на экспорт, а также (после длительного перерыва) на самый тяжелый в мире военнотранспортный вертолет Ми-26.

Возрождение интереса к тяжелому Ми-26 поможет ускорить разработку его модернизированной версии Ми-26Т2, создаваемой в инициативном порядке и рассчитанной на экипаж из двух человек (сейчас – 5). Первый опытный образец Ми-26Т2

будет построен до конца года. В текущем году Ми-26 по заказу Минобороны РФ поставят в старой комплектации, а новую версию предложат российским военным после ее сертификации.

ВВС до 2015 года закупят до 400 единиц транспортно-десантных вертолетов. В основном приобретаются боевые Ми-28, Ка-52 и транспортно-десантные, существенно модернизированные Ми-8.

АНАЛИЗ

КУРС – НА ЗАПАД

ОРИЕНТАЦИЯ НА ИСЛАМСКИЙ МИР НЕВЫГОДНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Модернизация (в любой форме – «авторитарной», «демократической» или «комбинированной», то есть «авторитарно-демократической») действительно нужна России. Но может ли способствовать этому процессу декларируемая некоторыми политиками нашей страны ориентация на исламский мир, что предполагает не только риторическое, но и практическое антизападничество.

ИСЕСКО – Исламской организации по вопросам образования, науки и культуры, подразделения ОИК, сообщил, что все исламские страны вместе взятые внесли в современную мировую науку меньший вклад, чем одна сравнительно небольшая европейская страна – Бельгия. Ат-Туэйджери утверждает, что в последние десятилетия 55 исламских стран «не достигли какого-либо ощутимого прогресса» в исследованиях, направленных на нужды развития и защиты окружающей среды, а также в области подготовки научных кадров. По приводимым им сведениям, ученые мусульманских государств составляют менее 1% от общего числа ученых – специалистов, посвятивших свою жизнь исследовательской деятельности. Он констатировал, что все государства исламского мира готовят ежегодно в три тысячи раз меньше ученых с научными степенями на 1 млн населения, чем промышленно развитые страны.

Если же в каких-то местах исламского мира анонсируются или реализуются какие-то научно-технические и технологические инновации, то все они оказываются заимствованными у Запада.

Коснемся политического аспекта. Нужны или не нужны демократия и свобода для модернизации – вопрос дискуссионный. Но нельзя не заметить, что зависимые в научно-технологическом, инновационном отношении от Запада исламские партнеры России (укажем Ливию, Египет, Иран, Саудовскую Аравию, Сирию и т. д.) – это государства с тоталитарными и полутоталитарными либо авторитарными режимами.

Перейдем к демографическому аспекту. В данном плане «подключение» России и исламскому миру вредноносно для модернизации. Открытость страны мощным миграционным потокам из центральноазиатских республик, Закавказья (Азербайджана), с Ближнего и Среднего Востока приводит к резкому падению качества населения. Неквалифицированные, необразованные массы из центральноазиатской и закавказской глухомани заполняют Москву, другие мегаполисы РФ. Это своего рода «армия демодернизации». Сомнительно, что попытки «заманить» в Россию квалифицированных мигрантов из исламских регионов СНГ или с Ближнего Востока дадут что-то положительное для модернизации. Специалисты высокого класса, если они там были, уже переместились на Запад. И самое большее, что может получить наша страна, это специалистов «второго разбора».

При этом происходит однозначно пагубное для модернизации замещение населения: российские образованные, квалифицированные кадры перебираются в западные государства, а в Россию вливаются неквалифицированные, необразованные мигранты. (По данным того же ат-Туэйджери, в среднем 60–70% населения исламского мира неграмотны. По некоторым странам этот процент

значительно выше.) Современные средства передвижения и практическое отсутствие осмысленного регулирования миграционных потоков приводят к тому, что этот процесс имеет лавинообразную форму и «захлестывает» Россию. Не говоря уже о перспективах модернизации, абсолютно не просчитываются негативные политические последствия миграционных процессов, которые очень ясно проявились в создании Косова и отторжении его от Сербии.

Подобная перспектива вполне реальна для нашей страны, так как некоторые исламские центры силы стремятся с использованием разных структур и механизмов, включая «джихад» против «неверных»-русских и «вероотступников»-мусульман, лояльных по отношению к Российской Федерации, «освоить» разные части России. (Это хорошо видно на примере Северного Кавказа, но аппетиты простираются на Поволжье и Сибирь.) «Исламский Эмират Кавказа», претендующий на территорию юга РФ, – не столько сепаратистское образование, сколько полувиртуальное-полуреальное квазигосударство, являющееся частью строящегося всемирного «Халифата», другие части которого – «Исламское государство Ирак», «Исламский эмират Афганистана», «Аль-Каида в исламском Магрибе» и т. д. вплоть до «Исламского эмирата Шабелле» в Сомали. Особая опасность в реализации этого проекта – использование прямого террора.

Складывается впечатление, что российскими властями при разработке и реализации политической стратегии, вероятнее всего по неведению, не принимается во внимание этот «исламский» фактор. (Берем слово «исламский» в кавычки, ибо интересы ислама и мусульман России при этом не играют никакой роли, а модифицируемый, трансформируемый и деформируемый ислам используется в качестве мобилизующей идеологии и пропагандистского прикрытия.) Хотя некоторые исламские центры силы просматриваются за дестабилизационными процессами в зонах расселения мусульман. Либо они стремятся использовать в своих интересах любой дестабилизирующий потенциал. Единственный из многих пример: 20 августа 2008 года, в самый разгар событий в Южной Осетии, в исламистском арабоязычном Интернете (несколько тысяч сайтов) началось распространение директивы – «Послания Исламскому эмирату Кавказа», подписанного Абд-ас-Салимом Акидой, соратником бен Ладена еще по Афганской войне и одним из аравийских командиров иностранных «моджахедов», воевавших в Чечне в 1994–1999 годах. «Послание» – директива «моджахедам», обретающимся на Северном Кавказе: в условиях занятости Вооруженных Сил России отражением грузинской агрессии против народа Южной Осетии активизировать террористические операции на территории Чечни, особенно с использованием «шахидов»; провоцировать боестолкновения между российскими и грузинскими войсками с использованием «моджахедов», передетых в российскую военную форму; перенести террористические акты «в глубь России», вплоть до Москвы и т. п. В этом «ракурсе» теракты в московском метро в марте 2010 года вполне допустимо рассматривать как реализацию этой директивы.

Наконец, но не в последнюю очередь, культурный (цивилизационный) аспект. Европа, в поддержке которой в деле модернизации наша страна нуждается, с большой настойчивостью станет отклоняться к сближению с Россией как «частью исламского мира». Весьма показателен в этом отношении отказ европейцев принять в Евросоюз Турцию.

Вывод «от противного»: задачи модернизации России диктуют ориентацию на Запад.

Александр ИГНАТЕНКО,
президент Института религий и политики,
член Общественной палаты РФ

Такая постановка вопроса вполне правомерна, поскольку определение этой ориентации России дал министр иностранных дел Сергей Лавров: «Россия – и часть исламского мира». Наверное, тут подразумевается многополюсность современного мира, в условиях которого наша страна должна проводить политику «по всем азимутам» – и европейскому, и азиатско-тихоокеанскому, и исламскому. В этом утверждении, правда, есть важная часть – это буква «и», которая, впрочем, выбрасывается при переводе на иностранные языки, не учитывается комментаторами. Россия вступила в качестве наблюдателя в организацию «Исламская конференция» (ОИК), раскрыла для экономического, финансового, религиозно-политического, культурного «освоения» государствами исламского мира субъекты Российской Федерации на Северном Кавказе, в Поволжье и Прикаспии, неадекватно называемые кое-кем исламскими.

Насколько способно «подключение» России к исламскому миру в качестве его «части» благоприятствовать решению жизненно важной для судеб страны задачи – модернизации?

Возьмем научно-технологический, инновационный аспект. Модернизация – это в первую очередь научно-технические и технологические инновации. Исламский мир не может дать России абсолютно ничего в плане научно-технологическом, так как сам находится в состоянии глубокой научно-технической отсталости. В начале 2000-х годов Абдель-Азиз ат-Туэйджери, глава

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ:

ТРИ СУБЪЕКТА ПРОЦЕССА ОБНОВЛЕНИЯ

ИЛИ ЧТО ЕСТЬ «ШАГ ВПЕРЕД И ДВА ШАГА НАЗАД»

Во-первых, считаю более корректным говорить не о процессе модернизации, а лишь о некоторых модернизаторских порывах, которые и прежде имели место в истории нашей страны. Таких порывов было немало, и можно до бесконечности спорить о том, являлись ли они таковыми вообще, когда и в какой связи начинались, каким образом осуществлялись и т. д. Однако есть одна действительно объединяющая их черта – это результаты, которые, как правило, оказывались весьма далекими от ожиданий.

Лев БЕЛОУСОВ,
доктор исторических наук, профессор

Во-вторых, хотел бы вернуться к тезисам, которые нам предложил СВОП, и задать вопросом: внешняя угроза каким-то образом влияет на решение элиты приступить к модернизации или нет? Иными словами, является ли внешняя опасность толчком к модернизации, осуществляемой сверху?

Возьмем три конкретных примера, которые у отечественных и зарубежных историков, независимо от их идейной ориентации, не вызывают сомнений в качестве периодов модернизации.

Сначала петровская эпоха. Вспомним, что Петр только после поражения под Нарвой начал мануфактуры строить и пушки отливать. А вслед за этим был осуществлен комплекс мер административно-правового и социального характера, которые позволили проводить мобилизационную политику. Практически прямая связь с внешним вызовом очевидна. Страна преобразилась, обновлялась и побеждала в противостоянии со Швецией – одним из сильнейших в ту пору европейских государств.

Далее Александр II. Царь понял, что Россия не выдержит второй Крымской кампании. И вновь это был импульс снаружи. Чтобы сохранить и укрепить империю, Александр ломает казавшиеся незыблемыми устои, освобождает крестьян, создает новые административные, правовые и социальные рычаги управления, формируя благоприятную среду для модернизаторского скачка.

Наконец, Сталин с идеологией «осажденной крепости». По сути вся его экономическая, социальная политика и идеология были «заточены» на подготовку к войне.

Во всех названных случаях (на самом деле их значительно больше, причем не только в истории нашей страны) внешняя опасность являлась реальным стимулом для начала обновленческих процессов в обществе. Сразу отвечу потенциальным оппонентам, что я ни в коей мере не преуменьшаю значимости внутренних предпосылок модернизации. Таковые всегда имелись, поскольку общественная инфраструктура обладает свойством устаревать. И чем скорее правящая элита это понимала и начинала «суетиться», тем лучше было и для элиты, и для общества в целом. Внешняя опасность становилась лишь мощным толчком, ускорявшим понимание необходимости перемен.

Сейчас такой опасности, на мой взгляд, нет. И надеюсь, в обозримом будущем не появится. Это ответ на вопрос, поставленный СВОПом. Но «нет» не означает, что очередной модернизаторский порыв невозможен, поскольку имеется некое понимание его необходимости, что само по себе уже немало.

Есть три субъекта модернизации, которые в принципе могут и должны быть вовлечены в процесс обновления: государство, бизнес и общество.

Начнем с государства. Не могу согласиться с некоторыми коллегами, утверждающими, что государство как субъект модернизации не годится. Обойтись без него нельзя, но оно непригодно с точки зрения выбранной тактики и технологии развития процесса. Мне кажется, что государство у нас даже слишком много в тех сферах, где его должно быть значительно меньше: в гражданском обществе, экономике, политике.

Государство сейчас активно пытается выступать в качестве инициатора очередного модернизаторского порыва, его руководителя и отчасти донора, потребителя конечного продукта. Что оно для этого делает? Создает инновационные центры, структуры, выделяет деньги и пытается заинтересовать бизнес-сообщество. Государственные чиновники собирают бизнесменов, ставят перед ними задачи, предлагают разработать и класть на стол инновационные проекты, обещают их поддержать.

На мой взгляд, такого рода подход методологически ошибочен. Государство подходит к этому проекту преимущественно как социальному (что не вызывает возражений), но именно на этой основе пытается привлечь к его осуществлению бизнес. Импульс, идущий от государства, безусловно, важен и необходим. Но попытка взять на себя руководящую роль несостоятельна. Общество у нас уже иное, условия иные (преимущественно рыночные) и подход к решению задачи модернизации должен быть иным. Государству следует не столько руководить процессом обновления, сколько создавать необходимые условия для его развития, формировать благоприятную политическую и экономическую инфраструктуру. В противном случае мы вновь будем говорить, что «хотели как лучше, а получили как всегда».

Бизнес существует для того, чтобы зарабатывать прибыль. Предпринимателя нельзя принудить к разработке и внедрению инноваций, если он не усматривает в этом возможности получить конкурентные преимущества и приумножить собственное

состояние. Иными словами, вместо социального подхода к «мобилизации» бизнеса надо применить бизнес-подход. Только в этом случае можно рассчитывать на мотивированное участие предпринимателей в модернизаторских проектах. Кроме того, перспектива внедрения результатов и отдачи от вложений должна быть более или менее обозримой, а степень риска – минимально приемлемой. Инновационные вложения обладают высокой степенью риска, и, как мне кажется, сегодня этот фактор отпугивает многие российские компании разного уровня. Если же бизнес увидит возможность получения конкретных конкурентных преимуществ и реальной прибыли, его не нужно будет ни приплатать, ни понукать. Сам прибежит и станет делать все, что необходимо.

В дополнение к этому хотел бы отметить, что в западном обществе в XX веке основным двигателем модернизации был мелкий бизнес – более гибкий, смелый, склонный к большому риску во имя большей и быстрой прибыли, способный эффективно внедрять инновации. В каком состоянии у нас мелкий бизнес, какие условия созданы для его развития – всем хорошо известно, а уж причитать по этому поводу давно стало занятием весьма банальным. Несмотря на наличие политической воли, периодически декларируемое намерение высшего эшелона власти создать благоприятные условия для «размножения» мелких предпринимателей, подвижки на этом пути весьма незначительны. В реально существующих условиях говорить о привлечении мелкого бизнеса к инновациям в качестве одного из «моторов» этого процесса пока, к сожалению, преждевременно.

Некоторые крупные компании, наиболее «продвинутые», занимаются инновационными разработками и без подталкивания со стороны государства. В них созданы даже специальные подразделения, которые конкурируют не только с другими структурами, но и между собой в развитии инновационных проектов. Заметьте, это тоже конкурентное поле, пусть небольшое, в рамках одной или нескольких компаний, но обойтись без него не представляется возможным. Иначе победа может оказаться «пирровой». Государство должно прежде всего создавать конкурентную среду в этом модернизаторском порыве, всчески поощрять конкуренцию в экономике и общественной жизни в целом. Пока же, напротив, государство функционально лишь расширяется. А любое расширение экономических

НА СТРАНИЦАХ «ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КУРЬЕРА» ВНОВЬ ПУБЛИКУЮТСЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ДИСКУССИИ, СОСТОЯВШЕЙСЯ НА XVIII АССАМБЛЕЕ СОВЕТА ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ И ПОСВЯЩЕННОЙ ОБСУЖДЕНИЮ ДАЛЬНЕЙШИХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ

функций государства ведет к сокращению конкурентной среды, причем не только в экономике.

Наконец, общество. Подавляющая часть современного российского общества, на мой взгляд, инертна. Думаю, не ошибусь, если скажу, что больше половины нашего населения даже слова «модернизация» не знает. В лучшем случае кто-то где-то что-то слышал, но очень слабо себе представляет, что оно означает на самом деле. Это не так уж страшно, поскольку общество, как правило, вовлекается в процесс модернизации импульсом, идущим сверху, от элиты. По крайней мере в нашей истории так было всегда.

Однако нынешняя элита в отношении к модернизации расколота: она состоит из трех разновеликих групп. Подавляющая ее часть, преимущественно бюрократизированная, абсолютно не заинтересована в том, чтобы двигать этот процесс. Ей и так хорошо живется, и вряд ли в этом смысле могут быть какие-то подвижки. Консерватизм и иммобилизм современной российской бюрократии, особенно среднего и нижнего звеньев, загражден. Другая часть элиты просто еще не созрела до такого уровня политической культуры, чтобы понимать задачи модернизации. А третья группа очень хорошо их понимает, но не обладает необходимыми ресурсом для того, чтобы реально запустить этот процесс, несмотря на правильные декларации, идущие сверху.

Вывод. В моем представлении в России в обозримом будущем, в пределах 20–30 лет скорее всего развитие пойдет по старой схеме: «шаг вперед, два шага назад». Мы будем развиваться без каких-либо заметных рывков. Это – шаг вперед. Очень хотелось бы, чтобы он был существенным. А два шага назад означают, что мы, как и прежде, останемся в числе отстающих в области разработки новейших технологий, в их применении во всех сферах жизни, в обновлении социальной инфраструктуры. Наш разрыв с наиболее развитыми, ведущими странами мира, к сожалению, будет увеличиваться.

Михаил ХОДАРЕНКО

УСПЕХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЗАВИСИТ ОТ НАЛИЧИЯ У ВЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ

Дискуссия, развернувшаяся вокруг проблемы модернизации, выявила важную особенность. Еще совсем недавно спор велся между теми, кто считал необходимой лишь «технологическую модернизацию», и сторонниками комплексной модернизации, включающей политический компонент. Сейчас споры происходят на другом уровне – о темпах и глубине возможных политических изменений, причем «политизация» дискуссий идет быстро.

Игорь БУНИН, президент Центра политических технологий

Внутриполитические изменения сопрягаются с внешне-политическими – еще полгода назад было нелепы, чтобы Владимир Путин приехал в Катань и почтил память польских офицеров, расстрелянных сталинскими подручными. Напомню, что в 2008 году на Красноярском форуме тогда еще кандидат в президенты Дмитрий Медведев выдвинул программу модернизации из четырех «и»: институтов, инфраструктуры, инноваций, инвестиций. В прошлом году на этом же форуме проблемы модернизации обсуждались активно, но

КАК ПРЕОДОЛОТЕЬ СКЕПТИЦИЗМ ОБЩЕСТВА

политическая составляющая была выведена за скобки. Минул еще один год, и на форуме всерьез говорят о политике, а на экспертной группе по институтам сделан вывод: политическая система нуждается в коренных изменениях.

Существует мнение, что дискуссии – это пустое сотрясание воздуха. Такое мнение ошибочно: характер споров связан с определением вектора не только общественных настроений, но и политического курса руководства страны. Сейчас в качестве инициатора перемен выступает власть, а элиты, как показали не только личные наблюдения, но и опубликованное в прошлом году исследование Михаила Афанасьева, в большинстве своем готовы воспринять модернизационные сигналы, исходящие от власти. Степень их консервативности нередко преувеличивается, что связано с особой «политкорректностью» российского элитного слоя, его повышенной политической осторожностью после дела ЮКОСа.

Понятно, что проблема темпов политической модернизации является крайне значимой. Сразу необходимо отметить, что точка зрения о приоритетности политики над экономикой в российском модернизационном процессе наших дней является маргинальной. Действительно, слишком быстрые преобразования могут привести к политической дестабилизации. Однако более популярен другой взгляд: политические изменения, конечно, нужны, но проводить их надо, двигаясь вперед даже не по сантиметру, а по миллиметру, в противном случае можно обвалить страну, как это уже произошло в горбачевские времена.

Страх перестройки силен в российской элите, хотя и относится в значительной степени к числу иррациональных фобий, связанных с драматическим личным опытом целого поколения, – отсюда и частично сознательные, частично инстинктивные «охранительные» тенденции. Однако «фантомные боли» надо преодолевать: в XIX веке реакция Александра III лишь заткнула котел, который взорвался при его сыне. Опыт перестройки в действительности также свидетельствует о том, что промедление с реформами в «золотой» брежневский век оборачивается системными проблемами, когда планомерное ускорение, начатое с двадцатилетним опозданием, действительно пре-

вращается в катастрофический обвал. Складывается впечатление, что все российские модернизации были запоздалыми и половинчатыми.

Есть и еще одна «элитная» проблема – невостребованность изменений, связанная с удовлетворенностью жизнью и дефицитом стратегического мышления со стороны наиболее успешных ее слоев. Они уже добились всего (или почти всего), чего хотели, играя по существующим правилам, и изменение этих правил – не в их интересах, по крайней мере сиюминутных. Что же до более отдаленной перспективы, то в современной России логика действий этих элитных групп близка поведению брежневских администраторов, получавших очередные звезды Героев Соцтруда за успехи, достигнутые в результате нефтяного благополучия. Разница состоит в том, что нынешняя «верхушка» элиты выше наград ценит прибыли, которые способны обеспечивать сегодняшние цены на энергоносители.

Бытующее мнение, что у российской модернизации не хватает сторонников, основано не только на позиции элит, но и на реально имеющем место скептическом отношении средних слоев нашего общества к обещаниям политиков. Большая часть общества на сегодняшний момент действительно пассивна. В заостренной форме такой диагноз содержится в недавно вышедшем на экраны фильме Дмитрия Астрахана «На свете живут добрые и хорошие люди», в котором только несколько героев готовы к изменениям, а основная масса вполне удовлетворена существующим положением дел.

На первый взгляд, такая пассивность является препятствием для модернизации, и эта точка зрения имеет право на существование. Однако в том случае, если у власти есть политическая воля для проведения осмысленной модернизационной политики, лояльность становится, напротив, позитивным фактором. Вспомним, как Петру удалось провести радикальную модернизацию в условиях, когда большая часть общества ее не ожидала, но существовало активное меньшинство – от самого царя до гвардейских сержантов. Необходимость формирования «передовой группы» актуальна и сейчас, и некоторые шаги в этом направлении уже делаются. Можно вспомнить формирование президентского ка-

дрового резерва, который должен внести в сложившуюся клановую систему меритократический элемент.

Отметим также, что нынешний скепсис российского общества – оборотная сторона рационального подхода, лишенного легкомысленных ожиданий молочных рек и кисельных берегов. Недавно Центр политических технологий провел исследование отношения средних слоев к модернизации. Из него следует, что люди не против изменений, но они хотят почувствовать, что модернизация имеет отношение к ним непосредственно, воспринять ее лично. Если они увидят, что в результате действий власти начала лучше работать судебная система, что за правдой не надо больше ехать в Страсбург, что миллионеры стали больше походить на кинематографического Шарапова, чем на реального Евсюкова, то превратятся в сознательных сторонников модернизации.

Не стоит пренебрегать и конкретными яркими действиями, которые будут иметь демонстрационный эффект (вроде недавней реакции Медведева на смерть в следственном изоляторе юриста Магнитского или предпринимательницы Трифоновой). Также необходимо наличие четких ориентиров на то, что может сделать каждый гражданин. Речь идет, разумеется, не о «руководящих указаниях», а об определении условий, в которых человек может проявлять собственную инициативу. Люди должны почувствовать значимость своей позиции для государства, преодолеть свойственное еще советскому обществу «отчуждение» от него. Тогда российская модернизация получит осознанную широкую поддержку.

Не забудем и о том, что пассивность – лишь одна из исторических особенностей российского общества. Есть у него и другие черты, свойственные, правда, обычно периферийным, но немалочисленным группам населения: повышенная «энергетика», тяга к свободе, способность принимать самостоятельные решения. Они способны помочь в достижении успеха. Вспомним казаков, покорявших Сибирь, волную колонизацию Новоросси, старообрядческое предпринимательство, развивавшееся, несмотря на гонения властей, крестьян (Морозовых, Прохоровых), становившихся «миллионщиками» и выкупавших себя и свои семьи из крепостной зависимости. Вспомним инициативных людей 90-х годов, чья «энергетика» хоть и частично, но сохранилась и сейчас. Отметим и умение воспринимать новые идеи, как это делал Петр, участь у европейцев в Немецкой слободе или во время Великого посольства. Или реформаторы XIX века, заимствовавшие самый передовой для своего времени мировой опыт в судебной, военной и других сферах. Способность учиться и не стыдиться своего ученичества, не прикрывая собственную слабость квазным патриотизмом – безусловно, полезное качество для любых реформаторов.

Полтора века назад Китай и Япония столкнулись с вызовом отсталости и угрозой иностранного закабаления. Япония не побоялась начать перемены сверху и пойти в ученичество, тщательно выбирая, у кого чему учиться. Китай же попытался закрыться – более чем на столетие погрузился в череду войн и кризисов и лишь в конце XX века обрел свою модель модернизации. Так что ни один диалог не оказался окончательным: модернизация свою дорогу нашла – правда, в китайском случае ценой огромных издержек и жизни нескольких поколений. Выбирая курс лечения для России, необходимо помнить и эти уроки.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ

ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ПЕРЕХОДА ОТ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ К ИННОВАЦИОННОЙ

Попытаюсь высказать, может быть, немного более частные суждения, характерные для практического бизнеса и отличающиеся от дискуссии экономистов и историков. А потому в своем кратком выступлении хотела бы привлечь внимание к трем тезисам, которые мне представляются существенно значимыми.

Анна БЕЛОВА, член правления, заместитель генерального директора по стратегии и корпоративному развитию ОАО «Сибирская угольная энергетическая компания»

Тезис № 1. В историческом контексте предпосылки модернизации заметно изменились. Сегодня модернизация – это не следствие изменения внешнеполитической обстановки, не результат военной угрозы. Модернизация для нашей страны является единственной возможностью сохранения национальной конкурентоспособности в глобальном экономическом пространстве, без которой будущее страны как заметного игрока на мировой арене невозможно.

При этом единственные способы, позволяющие реально двинуться в этом направлении, – это формирование эффективной конкурентоспособной бизнес-среды, передача значительных функций регулирования и распределения от государства к бизнесу, формирование объективного спроса на модернизацию со стороны экономических агентов. Только при этих условиях возможен переход от сырьевой модели развития к модели инновационной.

Тезис № 2. Для того чтобы дело не ограничилось дискуссиями о необходимости модернизации, а в стране стали происходить реальные перемены, необходимы системные изменения в сознании правящих элит, нужна коренная трансформация действующей модели государственных и бизнес-отношений, обеспечивающая спрос на модернизацию.

Тезис № 3. Модернизация невозможна без формирования кадрового ресурса, вооруженного конкретным опытом применения на практике современных теорий управления.

Как правило, в предыдущие несколько сотен лет после победоносной (или даже необязательно победоносной) войны наступал период структурных изменений в армии, общественном устройстве. Он сопровождался перестройкой в системе государственного управления, внесением существенных поправок в законодательство, внедрением новых способов промышленного производства. Собственно, каждая очередная модернизация в той или иной степени своим осуществлением была обязана смене очередного стационарного режима.

Однако за последние 50 лет, по моему мнению, мир прошел новый качественный виток в своем развитии и особенно в области технологий. Следствием этого стало то, что сегодня рисками для национального суверенитета и государственности в меньшей степени являются внешнеполитическая и военная угрозы.

Более важную роль играет фактор технологической развитости государства, следствием чего является его экономическая состоятельность. Иными слова-

ми, в настоящее время прочность государственного суверенитета – не столько результат наличия сильной боееспособной армии, сколько в большей степени следствие опережающего технологического и экономического развития. Именно поэтому необходимость модернизации для сегодняшней России очевидна. Без нее у нашей страны нет будущего.

Меня серьезно тревожит тот факт, что с точки зрения национальных достижений нам все реже и реже удается чем-то похвалиться. Какими научными, фундаментальными исследованиями, технологическими решениями будут гордиться через 20 лет наши дети и внуки? Какие отрасли промышленности обеспечат формирование ВВП страны? Насколько эффективные технологии станут использоваться даже в традиционных для нас сырьевых отраслях и сможем ли мы сохранить свои традиционные рынки сбыта? При сегодняшнем уровне технологического развития, при нынешних показателях эффективности в основных отраслях промышленности в недалеком будущем мы можем рассчитывать только на роль аутсайдера, обеспечивающего сырьевые потребности остального мира и не участвующего в выработке основных приоритетов развития и правил регулирования в глобальном экономическом пространстве. Поэтому для меня очевиден вывод, что долгосрочное будущее национального суверенитета определяется перспективами и возможностью практической реализации технологической модернизации.

Есть одно опасное заблуждение, связанное с ложным представлением о том, что сегодня при сильной вертикали власти, при озвученном государственным заказом, поддержанном государственным финансированием, возможен существенный прорыв. Я убеждена, что искусственно созданные технологические инкубаторы очень скоро продемонстрируют свою несостоятельность, если они не будут интегрированы в экономическую среду, если спрос на результаты их деятельности не будет формироваться со стороны сильных, здоровых и конкурентоспособных компаний, развивающихся в свободном рынке.

Хорошей иллюстрацией этого может быть история 40–50-летней давности. В СССР, как и в США, на этапе начала бурного развития компьютерных и коммуникационных технологий (на ранних стадиях – преимущественно в оборонном сегменте) существовала вполне приличная паритетная научная и инженерная база. Но мы окончательно проиграли технологическое соревнование, когда у этих технологий кроме государства в США появились частные заказчики – крупные корпорации. И тогда за океаном возник массовый рынок спроса – экономическое благополучное американское общество. Именно конкурентный рынок стал ключевым драйвером постоянного технологического совершенствования и опережающего развития вычислительной и коммуникационной техники, а также целого сегмента новых технологий, обеспечивающих ее производство.

Еще один важный аспект – возможность капитализации прав интеллектуальной собственности. В большинстве стран, осуществивших успешную модернизацию, это было важнейшим инструментом, обеспечивающим мотивацию бизнеса.

Здесь логично перейти к более подробно изложению следующего тезиса, который состоит в том, что при отсутствии реального практического спроса на модернизацию как на всех этапах вертикали власти, так и в бизнес-среде изменения маловероятны.

Отсутствие спроса со стороны государства определяется качеством государственного аппарата и уровнем коррупции.

